

Лидия Михайловна Газнюк

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПОЛЮС РЕЛИГИОЗНОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА

Аннотация. Религиозная повседневность анализируется как атрибут социальной реальности, сфера развертывания процессов, связанных с функционированием религиозного феномена. Выяснено, что к структурам повседневности православного верующего, в которых взаимодействуют сакральный и повседневный миры, принадлежат ментальный срез обыденного сознания, религиозные практики, религиозный опыт, религиозная идентичность и религиозная коммуникация. Обосновано, что религиозная повседневность как социокультурная среда верующих с общим коммуникативным пространством содержит совокупность опыта, представлений и социального поведения, отражающих взгляды религиозной общины или отдельных ее членов, то есть проявления коллективной и индивидуальной форм религиозности.

Ключевые слова: религиозная повседневность, жизненный мир, полюс религиозного опыта, профанное и сакральное, неповседневные ситуации.

Особенности мира повседневности определяются фундаментальными принципами соответствующего жизненного мира, однако не сводятся к ним, ведь жизненный мир содержит инновационные моменты, чего не может иметь мир повседневности, который ориентирован на сохранение и поддержку уже апробированного опыта, консервативен и не склонен к радикальным изменениям. В повседневности образуются смыслы, непосредственно касающиеся практических и жизненных целей человека. Если в жизни появляются новые и оригинальные явления или процессы, в том числе и религиозные, то отношение к ним со стороны повседневности крайне осторожное. Понятие «жизненный мир» в некотором множестве жизненных миров содержит всё многообразие как реализованных, так и нереализованных понятий человеческой жизни. Одним из жизненных миров человека является мир религиозного опыта, достаточно разнообразный и наполненный собственными конечными сферами смысла. Так, одним из полюсов религиозного опыта выступает религиозная повседневность как вариант повседневности, который подчиняет своему смысловому универсуму другие конечные сферы смысла. Из-за способности повседневности смешивать элементы различных смысловых сфер Б. Вальденфельс рассматривает ее как «плавильный тигель рациональности» [1]. Другим полюсом мира религиозного опыта является экстатические переживания, выходящие за его привычные границы.

Наиболее характерными чертами, характеризующими повседневность, являются активное внимание, субъектоцентризм, телесность, прагматичное достижение целей, повторяемость, стереотипность, понятность [3, с. 33-34]. Основная задача повседневности заключается в координации усилий людей для выполнения совместных практических задач, связанных прежде всего с функционированием человека как биологического существа. Мир религиозной повседневности — один из вариантов повседневности, поэтому эти конечные сферы смысла имеют общие характеристики. Повседневность, однако, характеризуется вниманием к жизни, в то время как религиозная повседневность — отстранением от посюсторонней жизни и забот «града земного». Повседневность выносит за скобки объективное, независимое от человека, а религиозная повседневность рационализирует и заставляет пересматривать мирское. В религиозной повседневности смыслом наделяются явления, не интерпретируемые индивидами в светской, нерелигиозной среде. То, что игнорируется в повседневной жизни, рассматривается религией как греховное, неправильное, вредное. В результате религия формирует особую систему рациональности, не всегда соотносящуюся с повседневной рациональностью и свидетельствуя о том, что религиозная повседневность играет одну из центральных ролей в жизни верующих людей

Важным моментом религиозной повседневности является ее интерсубъективность, а значимой составной частью и способом существования — коммуникация. В общении, связях между людьми возникает и формируется действительность, повседневность, основными составляющими которой являются не предметы и процессы сами по себе, а человеческое содержание. Как видим, суть религиозной коммуникации заключается в обмене религиозной информацией, ориентации на общение верующих между собой и с божеством, проявлениях диалогичности религии. Присвоенные вещам и отношениям верующих людей значения составляют полотно религиозной реальности.

Несомненно, религия удовлетворяет потребности верующих, в частности, потребности в моральной поддержке, социальной активности, реализуемых в религиозной общине, в том числе и посредством удовлетворения потребности в общении. Суть религиозной коммуникации заключается в обмене религиозной информацией, ориентации на общение верующих между собой и с божеством, проявлении диалогичности религии. Религиозная коммуникация предмечивается с помощью коммуникативной функции как части общей функциональной системы, неразрывно связанной с другими функциями. Посредством этой связи действие коммуникативной функции оптимально раскрывается в индивидуальной и общественной сферах [6].

Мир повседневности и религиозная повседневность близки также по характеру временной перспективы. Можно констатировать, что для повседневности важным является стандартное время как социально установленная хронологическая периодичность. Наполнение повседневности текущими делами, ежедневными заботами и обязанностями создает развитое, самоценное настоящее, ориентированное на ближайшее прошлое и будущее. В то же время важно и наличие отдаленной временной перспективы, особенно в направлении «настоящее-прошлое», отсутствие которой, а, следовательно, противопоставления настоящего прошлому и будущему, делает невозможным самоопределение, конституирование повседневности [6]. Для мира религиозной повседневности значимым является стандартное время, которое, благодаря освящению многовековой традиции, стало космическим и задает годовые, недельные и дневные циклы общей и индивидуальной религиозной жизни.

Экспансия религиозного жизненного мира в другую конечную сферу смысла — повседневность — приводит к тому, что системы рациональности, мотивации, поступков, действий людей в повседневной жизни определяются не будничными светскими факторами, а религиозными. В этом случае религиозная повседневность предстает как код, который задает структурные детерминанты, определяет социальные действия и систему отношений, контролирует поведенческие установки в соответствии с потребностями среды. Так, повседневность монастырской жизни, церковная среда, повседневность «воцерковленных» верующих является интерсубъективной реальностью с превалированием религиозной составляющей в сознании и поведении ее носителей. Следовательно, субъектом религиозной повседневности может стать как отдельная верующая личность, так и сообщество, которое образуют религиозные индивиды со сходной по характеру повседневностью. Стремление и усилия людей могут совпадать или быть разнонаправленными, однако результатом целенаправленных и рациональных действий становится некий естественный порядок. Социально-антропологическим ракурсом такой повседневности, по мнению И. Касавина, является кумулятивный опыт группы, в котором осуществляется постепенный прирост содержания в процессе решения стандартных проблем в контексте проживания структурно подобных повторяющихся ситуаций. Группа транслирует этот традиционный опыт через руководителей процесса социализации новых членов [5]. Основным условием для оправдания действий человека или группы является их смысловая направленность, обусловленная религиозным опытом, благодаря чему укореняются отобранные в процессе повседневной деятельности ценностные установки, выстраивается система практик и отношений, которые координируют действия субъектов.

Рассматривая повседневность как статистический образ мира, в котором искусственно приостановлены креативные, инновационные процессы, а стабильные основы жизнедеятельности человека (традиции, ритуалы, стереотипы, категориальные схемы) не подвергаются сомнению, можно говорить о направленности повседневности к трансцендентному, поскольку присущие повседневности черты сакральности, экстраординарности обеспечивают индивиду возможность связать свою повседневную деятельность с высоким идеалом [5]. Очевидно, что наряду с повседневной религиозной жизнью возникают и неповседневные ситуации. Повседневность — это привычное, упорядоченное, близкое, неповседневное же существует как необычное и находящееся вне обычного порядка, например паломничество. Обычно причинами такой поездки считаются обет, ожидания исцеления, совет старца (духовника), зато непосредственным поводом служит событие, которое выходит за привычные рамки (удачное стечение обстоятельств, непреодолимое желание посетить святое место, воспринимаемые мистически, как помощь Божья, Божественное учение). К паломничеству может побудить и притупление повседневно испытываемых переживаний, поэтому ожидание чуда и благодати святых мест и святынь рассматривается как попытка «стимулировать» религиозные чувства. В любом случае паломничество — это проявление разрыва рутины, хотя оно и сопровождается повседневными явлениями (ежедневная молитва и т.д.). По этому поводу уместно определение повседневности как понятия-проблемы, «неизбежно связанного с рядом фундаментальных парных оппозиций. Ошибка и истина,

сущее и должное, профанное и сакральное — дихотомические пары, терминологическое отличие которых связано с различиями предметных сфер. Эти полюса познавательного процесса, нравственного сознания и религиозного культа образуют в культуре два измерения, которые мы обозначим как повседневность и миф. В их взаимодействии и напряженном противостоянии и проходит человеческая жизнь, содержание которой определяется приближением и удалением от полюсов, меняющейся ориентацией на одно или другое направление»[5]. Наряду с пониманием повседневности как мира жизненного опыта, в котором человек, погружаясь в эмоции, постоянно коммуницируя, эмпирически действует ради достижения своих целей, выделяется особенность повседневности, заключающаяся в том, что во многих случаях активность человека связана с ориентированностью на бессознательные установки. Они содержат как сознательные, так и бессознательные элементы, формирующие сложную систему повседневного бытия. Действительно, структуры повседневности, сплетаясь друг с другом, образуют специфические локальные пространства, которые охватывают различные стороны человеческой жизнедеятельности и формируют сложную систему повседневного бытия, содержит сознательные и бессознательные элементы. Повторяемость, рутинность и монотонность повседневной жизнедеятельности, основанной на традициях и обычаях, по мнению Э. Гидденса, является своеобразным «укротителем» источников подсознательной напряженности. Условности и правила поведения, кажущиеся на первый взгляд незначительными, становятся образцом социальных отношений, определяя каркас социальной жизни, гарантируя через упорядочение действий «онтологическую безопасность» индивидов, надежность социально значимых кодов в условиях повседневности. «Стабильность известных институциональных форм невозможна вопреки или вне взаимодействий, имеющих место в повседневной жизни, но вместе с тем и включается в эти взаимодействия», прогнозируя поведенческие ожидания [2, с.123].

Как видим, жизненный мир верующего индивида возникает как система жизненного опыта, формируется отдельными когнитивными и практическими механизмами и влияет на восприятие и социальные действия. В жизненном мире происходит преломление влияния на повседневную жизнь процессов, не зависящих от индивида, например динамики социальной системы, а также формирование внешней по отношению к индивиду реальности в результате его собственной жизнедеятельности.

Следовательно, структура жизненного мира может быть описана как совокупность конечных сфер смысла, где повседневная реальность предстает как системообразующий стержень благодаря универсальной природе и intersubъективному характеру. Повседневность, таким образом, является смысловым универсумом, составленным из множества обычных ситуаций, привычных ожиданий и реакций, которыми наполнен жизненный процесс индивидов в социальном пространстве их бытия. Повседневная жизнь, охватывающая существование всех других известных человеку «миров», является целостным универсумом, обладающим собственным внутренним законом. Повседневность верующего человека, в том числе православного верующего, как составная часть его религиозного жизненного опыта, обладает признаками собственно повседневности, однако отличается доминированием в повседневной жизни религиозного фактора, в значительной мере определяющего поведение верующего личности.

Религия проявляет человеческую способность к трансцендированию — выходу за пределы себя, окружающего мира, ограниченного пространства и времени, с помощью которого исторически сложившееся и символически заданное мировоззрение принимается индивидом, трансформируясь во внутреннюю субъективную форму. Спектр духовной деятельности человека, в том числе и религия, является результатом глубинных экзистенциальных переживаний. Одновременно с объективацией в религиозном сознании оппозиции «субъект-объект» возникает экзистенциальная раздвоенность, определяющая чувства тревоги и страха, преодолевая которые человек ищет душевную гармонию, что выражается в стремлении к трансцендентности. Однако «выделение повседневной и неповседневной сфер человеческого бытия не ведет к их автономному существованию, а превращает челове-

скую жизнь в постоянную проблематизацию их взаимоотношений. Жизнь сознания, где находят воплощение повседневная и неповседневная сферы человеческой жизни, заключается в обмене, наложении, дивергенции смыслов, производимых каждой из этих сфер» [4, с. 15].

Повседневность возникает в результате «оповседневнивания», однако правильным является и обратное утверждение о присутствии в повседневности творческого, сакрального, экстраординарного. В повседневном опыте человек встречается с необычным, но оно не «вписывается» в привычный упорядоченный мир, находя свое место на границе повседневности. Человеческая экзистенция происходит на грани, где повседневность конституируется в непрерывном соотношении с неповседневным. Возможность зафиксировать определённые моменты безусловности человеческого существования дает категория «пограничной ситуации» К. Ясперса. Экзистенцирование в условиях пограничной ситуации заставляет человека прибегать к операциям смыслотворения, упорядочивающим мир повседневности [4, с.16].

Любое общество перед лицом риска краха реальности определяет ситуации, связанные с «пограничными ситуациями» экзистенциального характера, прежде всего, с угрозой для жизни. Имманентная человеку активность сознания направлена на решение и предотвращение подобных ситуаций. «На самом деле желание религиозного человека жить в священном, — пишет М. Элиаде, — равна его попытке оказаться в объективной реальности, не дать парализовать себя в бесконечной относительности чисто субъективного опыта, жить в реальности, в настоящем, а не в иллюзорном мире» [8, с. 25].

Очевидно, что одним из первых теоретических концептов, направленных на решение вопросов экзистенциального плана, была религия, в которой объективируются в религиозные представления субъективные феномены религиозного опыта. Индивидуальный религиозный опыт представляется как личностное состояние человека, которое можно назвать состоянием его самоопределения в мире, обретение самого себя на основе отыскания в себе того, что объединяет его с трансцендентным, божественным.

Повседневная действительность имеет сакральный смысл, однако эта связь характеризуется обратным направлением. Повторяемость событий как необходимое условие действительности ритуала, а также вмешательство сверхъестественных сил в повседневные ситуации, которые изменяются с течением времени, свидетельствуют о вневременном характере бытия высших сил. Сакральное не проходит, а находится, поэтому способно реагировать на человеческие поступки с высокой степенью адекватности. Находясь вне времени, сакральное управляет всем, что содержится во времени, благодаря своей безусловной сложности во всем, что подчинено временности. Вневременность высшего начала не является постоянной, поскольку связь между ним и посюсторонним миром конституируется в религиозном опыте [7].

Религиозная повседневность существует и воспроизводится в пределах личного и общественного пространства и времени. В частности, в христианстве возвратность циклического времени подменяется необратимостью, что не допускает возможности повторения иерофаний, явленных во времени. Об этом прежде всего свидетельствует жизненный путь Христа, который жил, был распят и воскрес. В результате Боговоплощения возникла полнота мгновения. Время прекратило свое становление и превратилось в вечность, которая вернулась в сферу профанного бытия. В христианстве акт первотворения вынесен за пределы мирской истории в сфере сакрального измерения, возвращение в которую становится возможным из-за перехода человеческой природы в другое жизненное состояние, не подлежащее разрушению и гарантирующее вечную жизнь.

Таким образом, религиозная повседневность является атрибутом социальной реальности, сферой развертывания процессов, связанных с функционированием религиозного феномена. Структурами повседневности верующего человека, являющейся средой взаимодей-

ствия трансцендентного и повседневного миров, предстают ментальный срез обыденного сознания и религиозная деятельность, выражающаяся в религиозных практиках, а также религиозный опыт как субъективное переживание встречи с Божественным, религиозная идентичность как форма самосознания человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос: Пер. с англ., нем., франц. / Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 39-51.
2. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
3. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. Ростов н/Д : МарТ, 2003. 192 с.
4. Карпенко І.В. Філософська рецепція повсякденності в просторі культури : автореф. дис. ... д-ра філос. наук : 09.00.04 — філософська антропологія, філософія культури / Карпенко Іван Васильович ; Харківський держ. ун-т ім. В. Н. Каразіна. Харків, 2007. 37 с.
5. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
6. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
7. Лустенко А.Ю. Повсякденність у християнстві: досвід не даності Бога / Філософські дослідження: зб. наук. пр. СНУ ім. Володимира Даля. Вип. 9. Луганськ, 2008. С. 96-105.
8. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.